

№ 557. — Письмо Елизавете Васильевне Бакуниной.

(9 апреля 1853 года). [Петропавловская крепость.]

Милая, милая Лиза, выздоравливай скорей! Тебя все так любят, что кажись одной этой любви должно бы было быть достаточно для того, чтобы тебя поставить на ноги, не говоря уже о докторах, которые, как слышно, кормят тебя как маленького ребенка. Вот и весна наступила, все цветы готовятся к новой жизни, охорашиваются, для того чтобы блеснуть красотой, - неужели ж ты, наш милый, прекрасный, прямухинский цветок, отстанешь от других? Надеюсь, верю, что письмо это застанет тебя уже выздоравливающей. Жаль мне тебя, бедный брат Александр, но так уже жизнь устроена, что с каждым счастьем сопряжено свое горе. Отрекомендуй меня пожалуйста своему сыну.

Тебя Сашу и тебя Анну (Анна - жена брата Николая.) благодарю за письма, вы обе - умные и добрые девочки, - обнимите за меня ваших детей, ваших деток, как писала бывало наша незабвенная, святая Варвара Мих[айловна] (Бакунина.). Желал бы я посмотреть на Николая в оранжерее: должно быть тепло ему там, а ведь он русский человек, в тепле же и поленился можно, не правда ли Николай?

Ты, друг Татьяна, поцалуй за меня у бабушки руку и поблагодари, хорошенько поблагодари его за любовь и память; обними также и добрую маменьку, которая верно хлопчет теперь об огороде.

Милая Варинька, успокоилась ли ты хоть немного и долго ли намерена еще пробыть в Прямухине? Тебе бы никогда не расставаться с ним, а сыну пора уж становиться на свои собственные ноги, - чем раньше, тем лучше. Хорошо бы было, если б было возможно Павлу сделаться его ментором; он вместе умел бы и присмотреть за ним и путеводить его и уважить самостоятельность его характера. Последнее обстоятельство по-моему очень важно, но вряд ли оно совместно с характером Лангера (Федор Федорович (см. том I, стр. 472)., Пусть Александр (Дьяков, сын Варвары (Саша).) твой посвятит несколько времени на гимнастические упражнения, чтобы вместе с умом образовать также и телесную силу и ловкость: да не будет он только ученым, но также и светским человеком, совершенным [д]жентльменом, не утрачивая однако же ни доброты, ни прямоты, ни чистоты, ни простодушия и избегая, как безобразия, всякой вычурности и фанфаронства (Подчеркнутые слова в оригинале вставлены в примечание.), А главное пусть работает сам над собою и

приучает себя понемногу к самопознанию, к отчетливости в желаниях и мыслях, к постоянству в целях, к самоограничению, признаку силы, без которого нет успеха ни в чем, к самообладанию, терпению, пусть создаст себе умную, добрую, сильную волю и будет человеком.

Прощай, я заболтался. Напишите мне скорей, что Лиза выздоровела. Ваш М. Бакунин.

Рад, что Марья Ник[олаевна] (Безобразова.) поправилась; поклонитесь им от меня.

9 апреля 1853 года.

Комментарий

№ 557.-Напечатано в "Материалах для биографии Бакунина", т. I, стр. 271-272. Оригинал находится в "Деле" о Бакунине, часть II, лист 147.

Письмо это по каким-то причинам было задержано жандармами: возможно, что их рассердили "неуместные" рассуждения о воспитании, содержащиеся в письме. Судя по датам, именно этим письмом вызвано распоряжение Л. Дубельта следующего рода: "Исправляющий должность коменданта С.-Петербургской крепости г. генерал-лейтенант Корсаков при отношении от 10 апреля № 44 препроводил ко мне письмо содержащегося в Алексеевском равелине Бакунина на имя отца его. Усмотрев в сем письме рассуждения, несвойственные настоящему положению Бакунина, я признал необходимым письмо сие удержать и вместе с тем покорнейше просить Ваше высокопревосходительство не изволите ли приказать предупредить Бакунина, дабы он на будущее время ограничивался сообщением своим родственникам только таких сведений, которые необходимы для успокоения их на его счет, и что в противном случае письма его будут удерживаемы в сем (т. е. Третьем.-Ю. С.) Отделении". Ответом на это распоряжение был рапорт, в котором говорилось, что до сих пор никому не было сказано, чтобы Бакунин меньше писал; что в инкриминируемом письме, хотя оно и пространно, нет ничего, кроме сведений о семействе. За этим рапортом следует карандашная приписка: "отправить, но просить, чтобы меньше и четче писали".

Отсюда можно заключить, что кроме данного письма к Лизе было какое-то другое, более пространное, к отцу, которое и было в конце концов отправлено по адресу, но в Прямухинском архиве не сохранилось. Возможно, что письмо к Лизе представляет просто приписку к тому большому письму и что Дубельт, согласившись отправить часть письма, адресованную отцу, задержал конец его, обращенный к свояченице автора письма, чтобы взять хотя частичный реванш за задевший его ответный рапорт коменданта крепости.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 11 декабря 2025 17:41:55

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 11 декабря 2025 17:43:01